

В. и Л. УСПЕНСКИЕ

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ



Лев Успенский

Мифы Древней Греции

Издательство «Детская литература»

1941

УДК 821.01(38)-343
ББК 82.3(4Гре)-4

Успенский Л. В.

Мифы Древней Греции / Л. В. Успенский — Издательство
«Детская литература», 1941

ISBN 978-5-08-006048-9

Эта книга – одно из самых известных детских изданий древнегреческих мифов. Включенные в неё циклы о Язоне и Геракле пересказали для детей два брата: Лев Васильевич Успенский (1900–1978) – писатель-фантаст, переводчик, лингвист, автор популярных книг по занимательному языкознанию; и Всеволод Васильевич Успенский (1902–1960) – поэт, филолог, театровед. Иллюстрации к мифам сделаны старейшим русским художником К. И. Рудаковым (1891–1949), чьи рисунки к русской и мировой классике, театральные декорации, портреты современников признаны поистине классическими. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.01(38)-343

ББК 82.3(4Гре)-4

ISBN 978-5-08-006048-9

© Успенский Л. В., 1941

© Издательство «Детская
литература», 1941

Содержание

Предисловие	6
Золотое Руно	8
Фрикс и Гелла	8
Язон приходит к царю Пелию	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лев Успенский, Всеволод Успенский

Мифы Древней Греции

© Успенский В. В., наследники, 1941

© Успенский Л. В., наследники, 1941

© Рудаков К. И., иллюстрации, наследники, 1941

© Гасников А., оформление, 1977

Предисловие

В этой книге переданы легенды и предания глубокой древности: самым юным из них – от двух до трёх тысяч лет.

Сложены они древними греками ещё в те далекие времена, когда люди только начинали вглядываться в окружающий их мир, только приступали к его исследованию и объяснению. Удивительно ли, что на первых порах они делали это неумело, неправильно, наивно?

Слыша, как в грозowych тучах сердито ворчит и грохочет летний гром, они пугались этих звуков и, чтобы объяснить себе, откуда они берутся, воображали огромное, могучее, суровое, но всё-таки похожее на человека существо, которое, наверное, свирепствует там, за облаками. Видя, как каждый день восходит на востоке и садится на западе солнце, – иногда такое тёплое и ласковое, иногда иссушающее и жестокое, – они начинали и его представлять себе человекообразным существом, богом, разъезжающим по небу в ослепительно яркой колеснице.

Одну за другой, мешая правду и вымысел, придумывали они и рассказывали друг другу удивительные истории: о том, как возник мир и что его наполняет; о том, почему по бурному морю бегут белые барашки волн; о том, почему люди бывают то смелыми и мудрыми, то глупыми и трусливыми, или о том, откуда берется отголосок в лесу, точно повторяющий в тишине каждое громко выкликнутое слово.

Так сложилось множество преданий о богах, героях и чудесных существах – преданий, по-детски наивно объясняющих устройство мира и судьбы человечества. Эти предания, отличающиеся от всяких других сказок и легенд, мы называем греческим словом «мифы».

Зачем же нам сейчас, спустя два с лишним тысячелетия, вспоминать древнегреческие мифы? Ведь мы отлично знаем, что почти все рассказываемое в них – небылицы, неправда.

Тот, кто думает так, забывает одно очень важное обстоятельство: мифы созданы не каким-нибудь одним человеком – их на протяжении долгих веков творил, изменял, поправлял великий художник – греческий народ. В них он воплощал всё, что было ему в те давние дни известно о мире, все свои заветные чаяния, свои огорчения и надежды. И мало-помалу мифы эти стали сокровищницей великолепных образов, прекрасными произведениями искусства.

Изображая своих богов и героев, древние греки с великим искусством воплощали в них самые лучшие и самые дурные свойства человека. Наряду с примерами благородного мужества, беззаветной отваги, крепкой дружбы и нежной любви мы находим в мифах вызывающие отвращение образы самой жалкой трусости, омерзительной жадности, коварства и вероломства.

Как живые глядят и сейчас на нас из этих древних преданий слагавшие их тысячелетия назад люди – простодушные, доверчивые, любопытные и по-своему мудрые. У них – зоркие глаза, чуткие уши, сильные и умелые руки, мужественные, закаленные в борьбе с невзгодами жизни сердца. Мы видим, как они жили в своих хижинах и дворцах, как они охотились и пасли стада, как воевали и веселились. Мы с глубоким интересом узнаём, что, страдая и радуясь, эти древние люди мечтали стать могучими и справедливыми, стремились побеждать врагов и покорять суровую природу.

Эти мифы учат и нас любить свою родину, ненавидеть предателей, учат благоразумию и бесстрашию.

Эти же самые? Да нет, не только эти. Величайший из древних певцов, тот, кого мы называем ГОМЕРОМ, – хотя даже не можем с уверенностью сказать, жил ли он на самом деле в мире, или его величавый образ фантазия древних греков сотворила так же, как создавала она в своих мифах образы громовержца Зевса, хитрого бога торговцев и плутов Гермеса или жадного и злого царька Эврисфея, – этот могучий гений создал две великие песни. Одну – про страшную борьбу между греками и троянцами, жителями города Трои, стоявшего недалеко от

берега Средиземного моря в Малой Азии, в теперешней Турции. А вторую – про удивительные и необыкновенные приключения и подвиги одного из участников троянского похода, хитроумного царя маленькой Итаки, Одиссея, носившего также имя Улисса.

Сначала пересказывая друг другу, потом – записав и перечитывая из века в век Гомеровы дивные сказания, люди понемногу перестали верить в то, что такие события, какие в них описаны, могли на самом деле быть. Ещё сто лет назад учёные мужи были уверены, что никогда не существовало ни царя Агамемнона, описанного Гомером, ни Приама, несчастного повелителя разгромленной Трои, да и самой-то Трои, верней всего, не было.

Но вот нашелся среди учёных один, который с детских лет во всем поверил старцу Гомеру. Он поклялся посвятить поискам всю жизнь, но найти сказочную Трою. Для этого он долго работал, добыл достаточно денег, чтобы снарядить экспедицию в овеянные старыми преданиями места. И тогда он поехал в Турцию. И выбрал место, которое походило на описанные Гомером холмы вокруг древнего Илиона – Трои, и начал раскопки, и не обманулся в своей вере.

Ему удалось дорыться в каменистой малоазиатской земле до башен и стен древнего города, до царских сокровищ, до остатков той жизни, про которую пел Гомер.

Этого мало: он отправился на родину царя Агамемнона – в Грецию, в город Микены – и там, под землей, нашёл его могилу...

Конечно, это не значит, что всё в древних преданиях правда и истина. Не жили боги на невысокой горе Олимп! Не метал молнии и громы Зевс, не носилась по знойным лесам Греции легконогая охотница Артемида...

Но Геракл? Кто знает? Может быть, и был в самые далекие века в Греции могучий и добродушный воин по имени Геракл? И может быть, на самом деле плавал через Чёрное море в далекую Колхиду быстрокрылый корабль «Арго»? Может статься – пройдет время, и люди узнают, что многое в рассказах об этом не вымысел, а правда.

Всем детям нашей страны надо познакомиться с удивительным и прекрасным миром древнегреческих мифов.

Когда-нибудь потом, может статься, вам удастся прочесть их в подлиннике, на величавом и звучном греческом языке. Сейчас же, пока это вам недоступно, прочитайте напечатанные в этой книжке два связанных между собой «мифических цикла», две древние повести, состоящие из многих отдельных рассказов, – миф о Золотом руне и миф о Деяниях Геракла.

Бесконечно давно, две с половиной тысячи лет тому назад, греческие дети, сидя на тёплом песке у городских ворот или на каменных плитах храмов, слушали, как нараспев, пощипывая в лад струны тихой кифары, слепые певцы-рапсоды начинали перед любопытными эти же самые удивительные повествования:

Слушайте, добрые люди, про то что свершилось когда-то!
Древним сказаньям внимая, последуйте верным примерам:
Каждый, рождённый для жизни, быть может и смелым и трусом;
Зло от добра отличать научиться должны мы сизмала!
Слушайте ж, добрые люди, рассказы неспешные старцев:
Каждый, кто в мире рождётся, свой подвиг исполнить обязан.
В жизни и вы поплывёте, какплыли в морях аргонавты, –
Пусть же попутные ветры несёт вас к намеченной цели!

Золотое Руно



Фрикс и Гелла

Давным-давно в Греции, между двух синих морских заливов в глубокой долине, отгороженной высокими горами от всего остального мира, лежала страна Беотия.

Под синим небом её высоко вздымалась вершина Геликона, таинственной горы, где между тёмных рощ, над звонкими струями ключа Гиппокрены обитали богини искусств – музы.

Далеко внизу, блестя подобно зеркалу, раскинулось светлое Канайдское озеро. Берега его поросли таким камышом, из которого выходят самые лучшие, самые звонкие и певучие флейты; сюда по ночам, говорили люди, приходил порою сам бог лесов, великий Пан, чтобы срезать тростинку для своей божественной свирели.

Озеро ласково шуршало в пологих берегах, окружённое пашнями, лугами и виноградниками, потому что жители Беотии были искусными земледельцами. И совсем близко к его воде, отражая в ней свои храмы и башни, дома и ворота, стоял на одном из озёрных берегов беотийский город Орхомён.

В те времена, о которых пойдёт рассказ, владыкою Орхомена был счастливый царь Афама́нт, сын бога ветров Эбла.

Крылатый отец царя Эол днём и ночью носился над морями и сушей во главе своего воздушного воинства. Он любил своего сына Афаманта и помогал ему. Он хорошо знал, что именно может принести счастье пахарям-беотийцам.

Острыми мотыгами разрыхляли они тучную, горячую землю Беотии, дожидаясь урожая. Больше всего на свете они боялись засухи. Больше всего в мире радовал их крупный, тёплый дождь, омывающий посевы, сладким соком текущий из земли в тяжёлые виноградные гроздья.

Вот почему, когда царь Афамант был ещё очень молод, буйный бог ветра Эол принёс на своих шумных крыльях в Орхомен тихую и нежную пепельнокудрую девушку, богиню животных туч и лёгких облаков Нефелу.

Была прекрасна Нефела-облачко. Светлым туманом окутывали её стан волнистые мягкие волосы. Большие влажные глаза смотрели с задумчивой лаской – как смотрят звёзды сквозь лёгкую дымку неба... Афамант полюбил Нефелу. Он женился на ней. И до поры до времени тихо и счастливо протекала их жизнь.

Богиня дождей и туманов сроднилась с трудолюбивым беотийским народом. Часто выходила она на крышу царского дворца и долго оставалась там, распустив волосы, подняв кверху покрытые золотыми запястьями руки. Стоя так, высоко над городом, она произносила таинственные заклинания. Тогда отец Афаманта Эол, звеня крыльями, вылетал из своего жилища. Ветер начинал свистать в ветках беотийских сосен, шуршать сухой листвой лавровых деревьев и маслин. Звонкие кузнечики и цикады прекращали стоголосое пение. Юркие ящерицы забивались в щели. Смолкали птицы. Горные орлы опускались в ущелья. Они знали: скоро хлынет животворный дождь.

А Нефела всё пела свои вещие гимны. И по приказу царицы со всех сторон начинали стягиваться к лугам и нивам Беотии её сёстры-тучи. Отягощённые влагой, собирались они вверху, клубились, громоздились. Сверкала далёкая молния, гремел глухой гром.

И вот уже первые капли дождя прыгают по горячим камням; вот дети, разевая маленькие рты, ловят их прямо на язык; плодовые деревья вздрагивают омытыми листьями; и усталые крестьяне радостно подставляют под тёплый ливень запylённые головы. «Спасибо Нефеле, царице туч! – говорят они. – Теперь у нас будет хлеб и наше кислое, освежающее усталых, вино: дождь идёт!»

Бог Эол часто влетал по ночам то в узкие окна, то в широкие двери Афамантова дворца. Он склонялся над колыбельками, где спали его внуки Фрикс и Гелла. Он шевелил кудри Фрикса, целовал светлый лобик Геллы, веял на них могучим дыханием и, скользнув в царскую опочивальню, шептал на ухо спящему сыну:

– Афамант, Афамант, люби Нефелу-тучку! Береги Нефелу-облачко! В её руках – жизнь и счастье твоей страны.

И пока Афамант слушался мудрых советов, всё шло хорошо.

Но случилось так, что однажды поехал он в главный город Беотии, в семивратные Фивы, к гордому фиванскому царю Кадму. Здесь, на пиру в пышных царских покоях, пленила его взор дочь Кадма, темнокудрая Ино.

Ино была смелой, пылкой, говорливой девушкой, а жена Афаманта Нефела ходила неслышной поступью, говорила тихо, улыбалась робко.

Ино часто и звонко смеялась – Нефела-тучка чаще плакала светлыми слезами умиления.

Ино была всегда весела, как солнечный зайчик, – Нефела нередко становилась тихой и грустной, словно её милые сёстры, бесшумные дождевые облака.

И вот Афамант полюбил весёлую, бурную Ино. Он прогнал прочь кроткую Нефелу, а темнокудрую дочь Кадма взял себе в жёны. Афамант полюбил её, она же не любила никого, кроме самой себя. А больше всего возненавидела мачеха детей Нефелы, мальчика Фрикса и девочку Геллу. Ей не понравилось, что Афамант оставил их при себе, когда Нефела удалилась от него в жилище богов, на далёкую снежную гору Олимп.

Время шло. Фрикс и Гелла стали подростками, и мачеха начала бояться их: ей всё чаще приходило на ум, что, сделавшись взрослыми, они могут отомстить ей за свою мать и погубят её.

Тогда она решилась на коварное дело, чтобы не допустить этого.

Она хорошо знала, что теперь царю Афаманту и беотийскому народу нечего ожидать помощи от обиженной Нефелы-тучи. Облака давно уже обходили по небу беотийские пределы.

Дожди стали редкостью. Всюду клубилась пыль, и землепашцы не знали, стоит ли им бросать семена в накалённую солнцем сухую землю. Ино же собрала женщин-орхомеянок и подучила их ещё сильнее иссушить на солнце те зёрна, которые собирались сеять их мужья.

– Надо проучить гордую Нефелу! – дерзко смеялась она. – Нефела думает, что без её заботы вы погибнете! Это ложь. Молитесь богу солнца Аполлону, и он пошлёт вам великий урожай!

Так и сделали орхоменские женщины. Сухие, тощие зёрна легли в сухую, горячую землю, и из многих тысяч семян не взошло ни одно.

Страх обуял беотийцев. Голод грозил их стране. Тщетно молили они небо, чтобы оно послало им освежающий дождь. Напрасно уговаривал многокрылый Эол горестную Нефелу позабыть свою обиду: богиня далеко обходила землю, ставшую ей ненавистной, и горькие слёзы её лились над чужими, дальними краями.

Что было делать людям? Афамант, придя в отчаяние, решил отправить самых мудрых старцев в священный город Дельфы: пусть вещие жрецы Аполлона научат их, как надо поступить, чтобы избежать голода и смерти.

Послы отправились в путь и достигли Дельфийского храма.

– Царь Афамант, – сказали им жрецы, – должен вымолить прощение у Нефелы-тучи. Он должен выполнить всё, что только она ему велит сделать.

Но коварная Ино не позволила передать мужу эти страшные для неё слова. Далеко за стенами города, там, где в тени священной масличной рощи белела статуя бога Гермеса, она, переодевая простой женщиной, встретила Афамантовых послов. Она напоила их дорогим вином. Она осыпала их пышными дарами. Она подкупила их. И, придя в царский дворец, седебородые послы слукавили перед Афамантом.



– О царь! – сказали они ему так, как их подучила Ино. – Чтобы избавить твой народ от бедствия, голода и смерти, ты должен принести в жертву великим богам своего сына Фрикса. Отведи мальчика на священную гору и заколи там над жертвенником. Пусть его кровь брызнет вместо дождя на беотийскую землю. Тогда боги простят тебя, и эта земля принесёт людям великий урожай.

Горько заплакал царь Афамант, услышав эти слова. С криком отчаяния разорвал он свои царские одежды. Он бил себя в грудь, ломал руки, прижимал к себе любимого сына. Но за стенами дворца уже бушевала толпа народа. Исхудавшие от голода люди смотрели сумрачно. Бледные матери поднимали на руках и показывали несчастному царю своих голодных детей. И царь Афамант решился.

– Пусть один мой сын погибнет, если его смерть спасёт многих! – прошептал он, покрывая голову полой своего хитона. – О Нефела, Нефела! Страшно карают меня боги за мою вину перед тобой. Страшно моё наказание, Нефела! Сжался над нами!

Прошла ночь, полная тоски и плача. И вот на высокой священной горе, под густолиственной смоковницей собралась на рассвете следующего дня кучка людей. Было тихо, и небо ярко синело. Но странно: над самой вершиной горы с утра стояло в голубом небе лёгкое, светлое, сияющее облачко.

Всё было уже готово для жертвоприношения. Белый камень, обогранный кровью бесчисленных барашков и тельцов, вымыли ещё с вечера. На медных треножниках зажгли в курильницах зёрна душистого ладана. Принесли широкогорлые сосуды с водой. Старый суровый жрец, держа в правой руке острый и кривой нож, протянул левую. Он безжалостно схватил за кудрявые чёрные, как смоль, волосы плачущего, дрожащего мальчика, связанного белым полотенцем.

Мальчик закричал в ужасе. Светлокудрая Гелла, его сестра, с отчаянным воплем бросилась к брату. Жрец грубо оттолкнул её, но вдруг...

Вдруг над горой раздался словно удар грома. И жрец, и все, кто пришёл, чтобы видеть, как будет принесён в жертву царский сын Фрикс, вздрогнули и закрыли глаза руками. Ослепительный свет прорезал воздух. Послышался лёгкий звон, точно невидимая рука перебрала золотые струны огромной лиры. Белое облачко, сияя всё сильнее, налетело на гору, окутало смоковницу, жертвенник, людей и унеслось. А на голых камнях, рядом с дрожащими Фриксом и Геллой, остался овен, барашек, но не простой баран, а золотой. Длинное нежное, но тяжёлое руно его сияло, точно пламя. Золотые рога закручивались крутыми завитками. Широкая спина лоснилась и горела.

– Дети мои! Дети мои, Фрикс и Гелла! – раздался нежный голос из улетающего облачка. – Скорее! Не медлите! Садитесь на спину этого овна. Я спасу вас, о мои дети!

Торопливо, не думая ни о чём, не боясь уже ничего, Фрикс и Гелла схватились руками за пышные пряди золотого руна. Тесно прижавшись, обняв друг друга, они уселись на широкую спину барана. И в тот же миг он, разбежавшись, поднялся с горы в воздух.

Под ним остался страшный белый камень, трава вокруг которого была бурой и жёсткой от пролитой над ней крови. Под ним мелькнули белые черепа и кости убитых здесь во славу богов животных. Старый жрец и другие люди в страхе лежали там внизу, на земле, закрыв головы одеждой. Подальше, под горой, желтели и белели постройки Орхомена, темнели лесистые долины, серебряными лентами извивались речки, расстилались поля и леса. А волшебный овен нёсся над этой страной, поднимаясь всё выше и выше.

Вот впереди, на дальнем горизонте, залегла тёмно-синяя бесконечная гладь. Она поднималась всё выше и выше, сливалась с небом. То было море. Крепко вцепился тогда в золотые рога овна юный Фрикс. Полными восторга и изумления глазами всматривался он в невиданное зрелище, поддерживая другой рукой испуганную, дрожащую сестру. Он уговаривал её не бояться, показывал ей то на облака, плывущие навстречу, то на мелькающие внизу горы и долины Греции, то на многовёсельные ладьи с красными и белыми парусами, ныряющие в синих морских волнах. Но девочка не слушала его. Великий страх охватывал её всё сильнее и сильнее. Всё её тело дрожало, руки трепетали и не могли держаться за золотое руно, глаза закрывались от ужаса.

И наконец в тот миг, когда овен покинул берега Греции и понёсся уже над вечно плещущим тёмно-синим морем, слабые пальцы Геллы разжались. Лёгкое тельце соскользнуло с пылающего золотыми отблесками бока овна. Как пушинка, мелькнула она в голубой бездне и с лёгким всплеском упала в шумные воды. И тотчас же волны сомкнулись над ней, вечно бегущие вдаль, вечно рокочущие волны моря...

Чудный овен не остановился ни на миг. Точно ничего не случилось, он легко нёс вдаль горько рыдающего Фрикса. А то море, которое скрыло навек слабое тельце испуганной дочери Афаманта, люди стали называть с тех пор морем Геллы, Геллеспонтом.

Посмотри на карту Греции, начерченную учёными людьми. Между Европой и Азией ты увидишь узкий пролив. Теперь его зовут Дарданеллами, но это и есть Геллеспонт...

Всё быстрее и быстрее нёсся по воздуху волшебный золотой овен. Он пролетел над другим великим проливом, Босфором, пересёк Евксинский Понт, который люди зовут теперь Чёрным морем, и наконец, тяжелея от усталости, начал опускаться на далёкий берег, над которым во мгле сияли, подобно белым и розовым облакам, величавые горы Кавказа.

Сюда, на берега горной реки Фазис, в таинственную заморскую страну Колхиду, где царствовал тогда сын бога солнца волшебник Эёт, принёс чудесный овен своего опечаленного седока.

Эёт заранее знал о том, что это когда-нибудь случится. Известно было ему также и то, что золоторунный овен приносит счастье стране, в которой он пребывает.

Поэтому обрадованный царь ласково принял в своём дворце Фрикса.

– Я воспитаю тебя, как родного сына, о Фрикс, внук Эола! – сказал он. – Но никогда не позволю тебе покинуть пределы моего царства. Овна же твоего надлежит принести в жертву великому гонителю туч, всемогущему Зевсу. Так надо сделать!

Так и было сделано. Овна закололи, а пылающее горячим блеском золота Руно повесили на огромном, раскидистом платане в священной роще бога войны Ареса.

Роща эта шумела своими ветвями на берегу Чёрного моря. Высоко над ней вздымались вершины снежных Кавказских гор. Со всех сторон её окружали скалы; охранять же единственный путь к Руно Эёт приставил ужасного огнедышащего дракона; днём и ночью ни на миг не смыкало чудовище страшных и зорких глаз, сторожа такую драгоценность.

Прошло немного времени, и по всему свету прошёл слух о великом чуде. Все стали говорить про волшебное Руно, вечно сияющее, как жар, в тёмной роще на берегу Чёрного моря. Дошёл этот слух и до далёкой Беотии. И царь Афамант, умирая от старости, завещал своим потомкам во что бы то ни стало добыть и вернуть в Грецию это приносящее счастье Руно. «Вот от чего, – говорили люди, – зависит, будут ли счастливы внуки и правнуки Афаманта».

Язон приходит к царю Пелию

В эти самые дни старый пастух Ферсандр, житель одного прибрежного селения в Фессалии, кочевал вместе со своим стадом по склону великой горы Пелион. Каждый день он гнал своих коз всё выше да выше в горы, а к ночи разводил костёр где-нибудь под каменистым уступом, доставал из мешка горсть сушёных фиг¹ и пресную лепёшку, ужинал, запивая пищу чистой водой, и ложился спать до утра.

Однажды он проснулся на рассвете, так как его разбудило цоканье копыт по кремнистой тропе.

«Странно! – подумал Ферсандр. – Откуда бы здесь в горах мог взяться всадник?»

Однако топот всё приближался, потом слышались голоса. Кто-то ехал по дороге за кустами, обогнул каменистый уступ и наконец остановился чуть-чуть пониже Ферсандра.

– Ну что же, отец? – услышал пастух слова, сказанные молодым, звонким голосом. – Вот большой камень, вот и перекрёсток. Настало время разлуки. Поведай мне то, что хотел сказать, и отпусти меня с миром. Боюсь одного: не подслушал бы кто-нибудь прежде времени твоей тайны.

– Не тревожься, сын мой, – ответил другой голос, глухой и хриплый, и Ферсандр вздрогнул, услышав его. – Никто не видит нас. Здесь только стадо коз бродит по склону, да, наверное, где-нибудь спит пастух: я чую запах потухшего костра. Но что нам до этого? Сядь на обломок скалы, а я лягу перед тобой: мои копыта устали...

Старый Ферсандр был любопытен, как мальчик; к тому же он любил в долгие зимние ночи рассказывать легковёрным односельчанам всякие небылицы про то, что случается видеть летом в лесу. Осторожно, стараясь не шуметь, он подтянулся на локтях по каменной плите и через её край заглянул вниз на дорогу. «Зевс-Вседержитель!» – прошептали тотчас его губы.

Под старым дубом, на огромном валуне сидел юноша лет двадцати, не более. Мужественное лицо его было прекрасно. Золотистые кудри, подхваченные узкой тесьмой, не закрывали высокого лба. В руках он держал охотничий дротик, на ногах были запylённые пёстрые сандалии, сплетённые из белых и коричневых ремешков, а через плечо накинута мягкая и яркая шкура барса. Он сидел, улыбаясь, положив ногу на ногу; прямо же против него на траве, подогнув под себя передние ноги, как это делают утомлённые долгим путём кони, лежал огромный, белый, как серебро, кентавр².

Мощная спина человека-лошади была смочена утренней росой, длинная волнистая грива спускалась на траву. По густой седой бороде, по белым как снег волосам можно было видеть, как стар кентавр: только брови темнели у него над черными мудрыми и добрыми глазами. Он лежал спокойно и с любовью глядел на юношу, а тот ласково перебирал рукой пряди его длинной серебряной бороды.

– Ну что же, отец? – сказал наконец юноша. – Что хотел ты поведать мне?

Кентавр помолчал несколько мгновений.

– О Язон, сынок! – промолвил он затем, и эхо подхватило отголоски его речи. – Настал день, которого я давно боялся. Но он не мог не прийти. Ты должен узнать всё. Ты должен узнать, кто ты таков и что тебе надо теперь делать...

Так вот, Язон. Недалеко отсюда, на берегу моря, стоит богатый город Иолк. Много лет назад построил его тут мудрый Кретий, брат орхоменского царя Афаманта. Боги благословили его дела. Город вырос и процвёл, и Кретий, умирая, вручил власть над ним своему сыну Эсону.

¹ **Фиги** – плоды инжира.

² **Кентавр** – полулошадь-получеловек. Над туловищем коня над передними ногами поднимается у кентавров человеческий торс.

Эсон должен был царить в Иолке по праву и закону. Но случилось так, что пасынок Кретия, Пелий, восстал против своего брата, свергнул его с престола, отнял у него власть и сам стал царить над Иолком. Несчастный же Эсон, скрываясь от злобного брата, поселился на окраине города, приняв другое имя, и до сих пор живёт там в нищете и неизвестности. Ты слышишь, сын мой?

– Я слышу всё, отец! – сказал Язон. – Прости моё невежество: это тот Афамант, сына которого унёс за море золотой овен?

– Тот самый, Язон. Что скажешь ты на это?

– Я думаю, отец! Но я никак не пойму, зачем мне знать о несчастье Эсона?

– Клянусь моим бессмертием, Язон, ибо ты знаешь, что я бессмертен! Тебе надо услышать об этом. Так слушай же!

Спустя немного лет у Эсона родился сын. Эсон побоялся растить мальчика у себя в Иолке: он думал, что жестокий Пелий может убить его. Он распустил слух, будто ребёнок умер, едва родившись. Он даже справил по нём пышные поминки. Когда же стемнело, он запеленал мальчика в белое полотно, взял его на руки и понёс в лесистые ущелья горы Пелион. Он знал, что там обитает старый кентавр Хирон, друг всех обиженных. И вот он принёс сына Хирону.

– И добрый, мудрый Хирон взял от него мальчишку? – улыбнувшись, спросил юноша.

– Да, он взял этого мальчика, – отвечал кентавр, – он взял его в свою пещеру и вырастил и воспитал среди других кентавров, и полюбил его, как родного... И – слушай меня хорошенько – по просьбе отца он назвал своего воспитанника Язоном...

Кентавр ещё не успел договорить, как юноша прыгнул с камня. Глаза его засверкали, лицо побледнело.

– Отец мой, возможно ли это? Это был я? – вскричал он. – Значит, я сын Эсона? Отец мой... Теперь я вижу, что мне надо делать. Я должен предстать перед Пелием... Я должен вернуть отцу его царство!..

При этих его словах старый кентавр с шумом поднялся на ноги. Испуганный Ферсандр отпрянул назад и притаился в кустах. Когда же наконец он осмелился вновь глянуть на дорогу, на ней уже никого не было.

Тогда хитрый пастух неторопливо пошёл было в глубь леса. Но, отойдя немного, он вдруг остановился, оперся на посох и взял в руку свою редкую бороду. Прищуриль глаза, шевеля беззубым ртом, он долго стоял так совершенно неподвижно. Он размышлял о чём-то.

– Ноги юноши легче, чем ноги старца! – усмехнувшись сказал он. – Но старец знает ближнюю дорогу в Иолк, а юноша нет. Значит, старец первым войдёт во дворец Пелия и расскажет ему про всё, что видел и слышал. И – как знать? – может быть, тогда Пелий сделает его пастухом царского стада... Думаю – сделает!..

Он осмотрел своих коз, разбудил мальчугана-подпаса, сказал, что вернётся лишь завтра к вечеру, велел остерегаться волков и змей и ушёл извилистой каменистой тропой через гору...

В тот же день, в полуденное время, дряхлая старуха-нищенка сидела на берегу быстрой горной реки, текущей вниз со склонов Пелиона. Солнце пекло, мухи кружились над ней, а по дороге никто не шёл. Сама же старуха без помощи боялась идти вброд через бурную речку.

Наконец неподалёку зашуршали кусты, и из них вышел на берег старый пастух с длинным посохом в руке, с кожаным мешком за плечами. Едва выйдя на дорогу, он остановился, зорко оглядел её в обе стороны из-под руки и усмехнулся.

– Здравствуй, старая! – крикнул он нищей. – Давно ты сидишь тут? Скажи мне, не проходил ли через этот брод юноша, прекрасный, как бог Гермес, в пёстрых сандалиях и в барсовой шкуре, накинутой на одно плечо? Нет? Хорошо. Но всё же мне надо торопиться.

И он стал спускаться к воде.

– Помедли, пастырь! – заговорила вслед ему старуха, кряхтя и стараясь встать. – Не уходи один. Ты крепче меня, у тебя посох. Помоги мне перебраться через поток...

Но пастух даже не замедлил шага.

– Куда тебе спешить? – насмешливо крикнул он. – Сиди спокойно, мать наших бабушек. Наверное, и без того скоро вещая Мойра³ обрежет нить твоей старой жизни. Мне некогда возиться с тобой. Я тороплюсь!

Он перешёл реку и скрылся за скалами на том берегу, а старуха, погрозив ему вслед тощим кулаком, бормоча что-то себе под нос, снова уселась на камнях.

На этот раз ей пришлось ждать не так долго. Лёгкие шаги послышались за ее спиной, и из-за поворота дороги вышел юноша. Наверное, он шёл издалека: дорожная пыль покрывала его ноги до колен, на лбу блестели капельки пота. Но глаза его сияли по-юношески радостно, и, спускаясь с речного берега к броду, он звонко напевал.

Увидев его, старая нищенка снова начала подниматься с камня.

– Здравствуй, матушка! – крикнул юноша. – Что делаешь ты тут одна среди пустыни?.. Да будет благословен твой путь!

– О юноша-герой! – заплакала старуха, прикрыв глаза ладонью и глядя на него против солнца. – О юноша-герой! Я не смею утруждать тебя просьбой. Но я так стара, а поток этот такой бурный. Никто не хочет перевести меня на тот берег... Помоги мне, и благие боги дадут тебе то, что ты ищешь!..

Тогда юноша, не говоря ни слова, сошёл со своей дороги. Бережно и ласково поднял он могучими руками слабое старое тело, прижал его к себе, как отец ребёнка, и, перенеся через реку, осторожно опустил на землю. Только выходя уже из буйного потока, он споткнулся: бурливая река внезапно сорвала сандалию с его левой ноги и в одно мгновение увлекла её в свои пенные струи.

Однако делать было нечего. Молодость не унывает от таких ничтожных огорчений. Обутый лишь на одну ногу, путник двинулся дальше. Немного спустя он увидел седого пастуха, печально сидящего на краю дороги. Согнувшись, пастух морщился, держась рукой за правую стопу.

– Что с тобой, старый человек? – окликнул его юный, проходя мимо. – Что тебя печалит? Скажи, может быть, я помогу тебе?

Но старик вместо ответа сердито отвернулся. Он ничего не сказал прохожему: помочь ему было нельзя. Острый шип глубоко вонзился в его пятку. Он не мог идти быстро. Он не мог выполнить того, что задумал. С досадой и гневом глядел он теперь, как всё уменьшается вдаль на дороге стройная фигура юноши с шкурой барса на плече, юноши, обогнавшего его на пути в Иолк. Но ни молодой, ни старый не знали одного: нищая старуха, сидевшая у реки, всё ещё смотрела на них издали. Только она стала теперь молодой и стройной девушкой. На голове её блестел медный шлем, в руке колебалось лёгкое копье. И, ослеплённая солнцем, у неё на плече сидела сова, ибо эта девушка была богиней мудрости Афиной.

³ **Мойра**. – («часть», «доля», «участь») – общее имя трёх богинь, управляющих судьбой человека. Первая, Лāхесис («дающая жребий»), определяла судьбу человека ещё до его рождения; вторая, Клото («пряжа»), пряла нить его жизни; третья, Атропос («неотвратимая»), перерезала ножницами эту нить, обрывая человеческую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.